

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Непереводимость как средство работы с внедискурсивным

Ханова Полина Андреевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: dchingiskhan@yandex.ru

Перевод становится теоретической проблемой с тех пор, как появилась философия языка: постулировав зависимость мышления от структур языка, невозможно не заняться сопоставлением этих структур и выявлением возможных различий. В аналитической философии обсуждение «проблемы перевода» связывается в основном с работами Куайна и Дэвидсона. Но, к сожалению, они переместили «проблему перевода» в исключительно гносеологический ракурс, представив в качестве языков теоретические конструкции. Для их специальных задач теорию можно признать своего рода языком, но работа с «естественными» языками пока редко концептуализируется; имеющаяся литература обычно оценивает возможность или невозможность перевода с точки зрения переводческой практики. Сепир и Уорф, чьи имена стали почти синонимами «теории лингвистической относительности», также почти не акцентируют эту проблему. Взгляд, утверждающий, что структуры мышления предопределены грамматическими структурами языка, считается сейчас радикальным; кроме того, до сих пор по умолчанию принимается наивно-метафизическая установка, представляющая язык как некий «фильтр», структурирующий первичный допредикативный опыт. Возможно, что и в самом языке, а не только в нелингвистическом, обнаруживается нечто внедискурсивное. Витгенштейн обратил наше внимание на правила как существенную конститутивную часть языка; но он же указал на существование вещей принципиально невыразимых, несказуемых.

Невозможно не восхищаться тем фактом, что ограниченный набор правил и слов позволяет языку строить бесконечно вариативные конструкции; в такой ситуации неинтересно же работать с этой бесконечностью (это дело лингвистов, в конце концов!). И дело не в том, что сказать «неправильно» невозможно – в конце концов, у нас много возможностей сказать неграмотную фразу, парадокс и т.д. Под правилами в данном случае подразумевается не статичный набор инструкций в духе классической сосюрровской лингвистики (иначе мы сталкиваемся с известным «парадоксом следования правилу»), а особого типа практика.

Однако есть в языке и менее явные «правила», которые даже не всегда опознаются в качестве таковых – их невозможно продемонстрировать напрямую, поскольку невозможно указать на контрпример. Есть вещи, в которых язык не ошибается; Витгенштейн называл это логикой, но этот термин уводит в сторону. Говорить о такого рода языковых эффектах можно только в режиме отклонения и ускользания, с помощью метафоры. И здесь-то и может проявить себя оборотная сторона языка – его точки невыразимости, белые пятна.

Каким образом мы можем их проследить? Если бы был только один язык, мы бы никогда не узнали об этих «провалах». Или узнали бы? Да: через парадоксы, шутки

и поэзию (это хорошо показывает Эко в эссе об Адамовом языке). Но проще всего заметить эти точки несказуемости через сопоставление одного языка с другим – проще говоря, через перевод. Вернее, попытку перевода – ведь если иметь в виду поставленную проблему, то полный перевод невозможен, а сравнение переводов по качеству и степени близости к оригиналу оказывается невыполнимым потому, что для сравнения нужно находиться в обоих языках одновременно, то есть быть тем самым идеальным переводчиком. Провал перевода как предприятия означает вовсе не невозможность передачи исходного смысла – ведь тогда придется предполагать, что этот смысл существовал до и вне языка вообще. Просто имея дело с языком, мы всегда имеем дело с непрямой референцией, и самой действенной (и самой незаметной) метафорой оказывается само устройство нашего конкретного языка. Ситуация перевода, а в особенности случаи непереводимости, во-первых, открывают новый способ обращения к внедискурсивному путем отклонения и отбрасывания, обозначения границ, а во-вторых, позволяют продемонстрировать внутреннюю «механику» конкретного языка, которая предположительно не может быть выражена на этом самом языке иначе как через парадокс. И если перевод его на другой язык парадокса в себе заключать не будет – это будет неудачей переводчика и удачей философа, ведь именно в этой ситуации язык делает то, чего хотел от него Хайдеггер: показывает своим телом совсем не то, что говорит, выявляя таким образом внедискурсивный, внеконцептуальный слой в любом дискурсе, а через «трудности перевода» мы можем косвенным образом получить к этому внедискурсивному доступ.

Литература

1. Бенъямин В. Задача переводчика // Комментарии, № 11. М.–СПб., 1997.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
3. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Истина и интерпретация. — М.: Праксис, 2003.
4. Куайн У.В.О. Онтологическая относительность // Современная философия науки. — М., 1996.
5. Кузнецов В. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура: факты и ценности. М., 2001.
6. Смит Б. К непереводимости немецкой философии // Логос #5/6 2000 (26).
7. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. — СПб.: "Симпозиум 2006.
8. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. — СПб.: "Симпозиум 2006.